

Веселый мудрец

Парад шестидесятников опять не состоялся

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Если бы в Академии художеств кто-нибудь оперировал понятием «выставочная программа», то из разрозненных показов могли бы складываться интересные ряды. Скажем, в перечне экспонентов последнего времени фигурируют Май Митурич, Аделаида Пологова, Павел Никонов, Илларион Голицын, Дмитрий Жилинский и некоторые другие художники, чей взлет начинался лет сорок назад. Готовый цикл выставок, только обозначь его определеннее («Парад шестидесятников» или что-то в этом духе), задай общий формат, установи регулярность, отбирай работы, руководствуясь конкретной задачей, — и появится новый уровень восприятия. Так называемый «левый МОСХ» в 90-е годы перекочевал на периферию общественного сознания, вот и заняться бы вытаскиванием уникального явления из тени, анализируя и классифицируя. Но до сих пор в академии все происходит по схеме «у нас тут окно образовалось — давай-ка, старик, мы тебе выставку устроим»...

Герой нынешнего вернисажа, скульптор Даниэль Митлянский принадлежит той же плеяде шестидесятников. Раскованностью и эмоциональностью он преодолевал когда-то засилье соцреализма, хотя называть это борьбой было опасно, обходились словом «эксперимент». Одна из ранних и наиболее известных его работ — рельефы на постаменте памятника «дедушке Крылову». Совместное произведение Митлянского и Древина, установленное на Патриарших, относится к числу самых пристойных московских монументов. Другой анималистический ряд, уже без басенных иносказаний, зато с залихватским декоративизмом, украшает фасад Театра зверей имени Дурова. Можно еще назвать памятник «Моим одноклассникам, погибшим на войне» — пронзительно человеческое и подлинно художественное решение темы, дискредитированной официальными штампами.

Увы, достижения прежних лет на выставке отсутствуют. На двоих с сыном, живописцем Максимом Митлянским, скульптору выделен тесный закуток, можно сказать, аппендикс академической анфилады. Достаточно для миниатюриста, ничтожно мало для мастера крупных форм. Пришлось ограничиться работами последнего времени, среди которых преобладают скульптуры из крашеного дерева. Единственное исключение — Пушкин в крылатке из кованой меди, радостно порхающий над цветочной поляной. Иронии здесь не больше, чем преклонения; еще один случай личного отношения к поэту... В основном же поместились обрывки двух серий — «Книги Ветхого

Из серии
«Моя сладкая Европа».

Порхающий гений.

Завета» и «Моя сладкая Европа», где фантазия автора гуляет среди избитых сюжетов. Волосатый Самсон с мутными глазами крушит керамические столбы, Блудный Сын ползет на коленях к напыщенному, попугайски расцветченному папаше, символ Франции Марианна, устроившись на плече у клошара и засунув в рот леденец, празднует падение Бастилии...

О живописи Максима Митлянского хочется сказать только, что в чем-то она пересекается с отцовскими установками, а в чем-то отличается. Аллегии здесь тоже не редкость — хоть «Ночной дозор», иронический параврафизм из Рембрандта, где вместо людей фигурируют бутылки, хоть «Корабль дураков» в виде продолговатой вазочки с тюльпанами. Еще в изобилии встречаются руки, отдельные от владельцев: поднимающие фужеры, передающие монеты («Динарий кесаря»), выражающие жесты кулачной схватки («Уверение Фомы»). Если в случае с Даниэлем Митлянским понятно хотя бы, из какого целого даны отрывки, то творческий портрет сына складывается в голове с трудом. Вероятно, и он достоин отдельного показа, но что бы получилось в результате, прогнозировать не возьмемся.